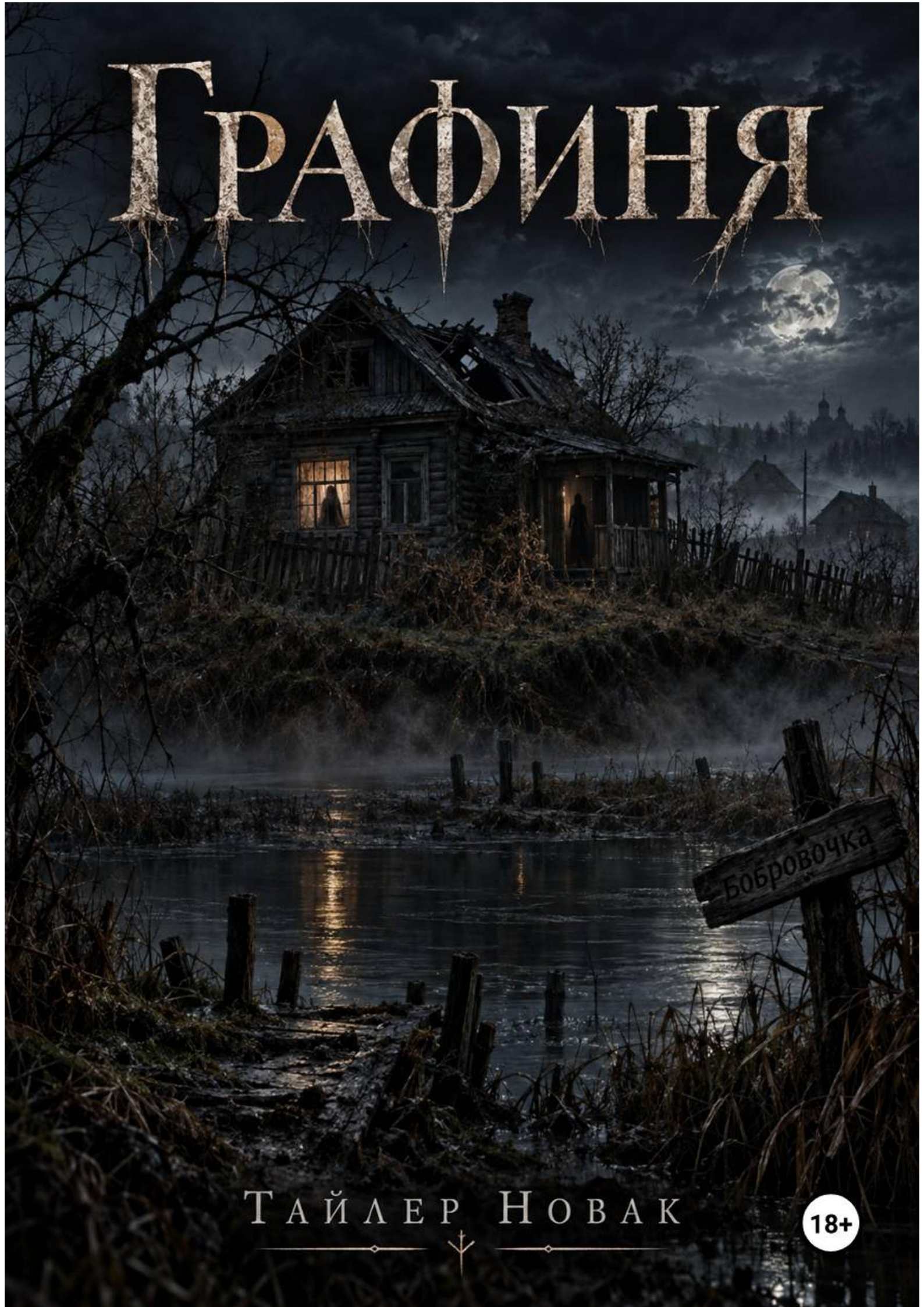

Графиня

The poster depicts a dark, atmospheric night scene. A two-story wooden house with a damaged roof sits on a grassy hill. Warm light from the windows and a porch reveals silhouettes of people inside. A full moon is visible in the cloudy sky. In the foreground, a body of water reflects the light, with a wooden signpost on the right that reads 'Бобровочка'. The overall mood is mysterious and gothic.

ТАЙЛЕР НОВАК

18+

Tyler Nowak

Графиня

«Автор»

2026

Nowak T.

Графиня / Т. Nowak — «Автор», 2026

На окраине Бобровки, за мутной речкой Бобровочкой, стоит старый деревянный дом. Когда-то здесь была целая улица, но её жители исчезли почти одновременно, а дома со временем разобрали на дрова и стройматериалы. Остался только один. Местные называют это место Графией и стараются не задерживаться там после заката. Говорят, когда-то в доме жила Агафья — женщина, о которой предпочитали не говорить вслух. Говорят, перед её смертью в крыше пришлось пробить отверстие. Говорят, ночью дом до сих пор скрипит так, будто дышит. Для обычного городского мужчины, приехавшего в Бобровку ради тишины, огорода и одиночества, всё начинается почти безобидно: странный свет в окне, силуэт на крыльце, повторяющиеся сны. «Графиня» — атмосферный мистический хоррор о заброшенном доме, старых тайнах, деревенских суевериях и страхе перед тем, что лучше было оставить забытым. Чем ближе герой подходит к разгадке, тем менее очевидно, где заканчивается легенда и начинается что-то куда более древнее.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Графиня	5
Запись первая. 4 июня	6
Запись вторая. 7 июня	7
Запись третья. 12 июня	8
Запись четвёртая. 15 июня	9
Запись пятая. 18 июня	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Tyler Nowak

Графиня

Графиня

Из записей Сергея Левина, найденных в дачном доме на окраине Бобровки

Тайлер Новак

«У старого дома четыре угла. Если насчитал пять — не входи».

— местная поговорка, происхождение неизвестно

Запись первая. 4 июня

Я завёл эту тетрадь не ради исповеди и уж точно не ради литературы. В сорок два года поздновато обнаруживать в себе Тургенева, да и огород от этого лучше не растёт. Я всю жизнь был заводским человеком: смены, металл, гул вентиляции, инструкции, ремонт того, что почему-то всегда ломается ближе к концу ночной. Работаю механиком на металлургическом предприятии в Усть-Каменогорске и привык доверять тому, что можно измерить, разобрать и собрать обратно. Причина тетради проще: после развода у меня испортилась память на мелочи. Не на важное — важное как раз сидит в голове крепко, будто его туда вбили. Я забываю, когда поливал помидоры, чем обработал смородину, когда обещал позвонить детям, какую доску собирался заменить в сарае. Поэтому купил толстую клетчатую тетрадь и решил записывать всё подряд.

Дачу в Бобровке я взял почти случайно. В Усть-Каменогорске квартира после развода стала слишком тихой, а оставаться в ней по выходным оказалось хуже, чем я ожидал. Дети живут с Мариной. Мы не враги, но и друзьями себя уже не называем. По телефону разговариваем ровно: школа, одежда, деньги, летний лагерь. Я научился не спрашивать, скучают ли они. Такой вопрос всегда звучит как просьба пожалеть.

Дом в Бобровке стоил дешевле гаража. Старенький сруб, пристроенная веранда, печь, которую прежний хозяин называл «ещё царской», хотя по кирпичам было видно, что её перекладывали лет двадцать назад. Участок зарос по пояс, а за баней крапива доходила почти до плеч. Для меня это было скорее достоинством. Хотелось работы, после которой болят руки и не остаётся сил думать.

Село вытянуто вдоль воды и старых дорог. От моего участка до Бобровочки — минут пять неспешным шагом. Речка здесь неглубокая, обычно по пояс взрослому человеку, местами метр, местами чуть больше. Вода мутная, цвета крепкого чая с молоком. Дно глинистое, берега то пологие, то вдруг обрываются яром — жёлтая глина, корни, осыпавшаяся земля. Весной низины затопливает, а к июню вода уходит, оставляя изумрудные луга, такие яркие, будто кто-то выкрутил цвет на старом телевизоре.

За рекой, напротив моего края, начинаются остатки старой улицы. Я сначала не понял, что это была улица. Просто камни в траве, прямоугольники крапивы, яблони среди кустарника. Потом присмотрелся: по углам бывших домов лежат крупные валуны. Фундаменты здесь раньше почти не делали — клали камень под угол, иногда ещё один под середину стены, и на них ставили нижний венец сруба. Срубы исчезли. Где-то остались ямы от погребов, где-то груда битого кирпича от печи. Всё разобрали: на дрова, на сараи, на заборы.

Один дом остался.

Стоит метров в трёхстах от воды, чуть выше затопляемой низины, за старым серым забором. Крыша деревянная, тесовая, и в одном месте провалена. Не просто проломлена — как будто доски разошлись вокруг квадратной дыры. Сам дом темнее остальных старых построек в селе. Брёвна почти чёрные, торцы серебристые. Два окна смотрят в мою сторону.

Сегодня вечером сидел на крыльце, пил чай и впервые заметил странность. Вокруг того дома трава ровная. Не вытопанная, не скошенная — просто ровная, ниже колена. По соседним пустырям бурьян в человеческий рост, а там будто кто-то ухаживает.

Наверное, коровы.

Запись вторая. 7 июня

Спросил про дом у Виктора Палыча, который приезжает через два участка косить сено. Ему под семьдесят, но выглядит крепче меня. Когда я показал на противоположный берег, он долго шурился, потом сказал:

— А, Графиня.

Я решил, что это название дома.

— Место так зовут, — объяснил он. — Там купались раньше. Мы пацанами с яра ныряли. Дурные были. А дом — Агафьин.

Я спросил, кто такая Агафья.

Он пожал плечами.

— А кто её знает. Старуха. Очень старая. Ещё моя бабка говорила. А бабка врать любила, так что пополам дели.

По одной версии, Агафья Гавриловна была вдовой какого-то ссыльного дворянина, отсюда и «Графиня». По другой — никакой графини никогда не было, а прозвище дали за манеры: ходила в чёрном, говорила тихо, держалась прямо и будто бы читала книги на французском. По третьей версии, слово вообще относилось к заводу у берега и уже потом прилипло к женщине.

— Ведьмой была? — спросил я, скорее ради шутки.

Виктор Палыч не засмеялся.

— Раньше всех старух ведьмами делали. Если травы знает — ведьма. Если не болеет — ведьма. Если болеет и не помирает — тоже ведьма.

Потом добавил:

— Но к ней после заката не ходили.

— Почему?

— Потому что люди не совсем идиоты.

После этого он сменил тему и начал ругать бензин.

Мне, разумеется, стало интересно. Сам не знаю почему. Наверное, потому что в деревне любые развалины быстро обрастают историями, а городскому человеку приятно на пару дней почувствовать себя исследователем. Я вечером прошёл вдоль своего берега почти километр. Дом всё время был виден между ивами. С некоторых точек исчезал, потом появлялся снова.

На обратном пути заметил в одном из окон что-то светлое.

Подумал — отражение неба. Но солнце уже село у меня за спиной, и окно было обращено ко мне. Свет держался несколько секунд, потом погас.

Запись третья. 12 июня

Пять дней ничего. Я почти забыл про Агафьин дом.

Занимался огородом. Поставил столбы под малину, вычистил старый колодец, починил ступеньку на веранде. Сын прислал фотографию велосипеда, дочь — голосовое про школьную постановку. Марина спросила, не завёл ли я себе «деревенскую жизнь с козами». Я ответил, что пока только муравьи, но они настроены серьёзно.

Ночью проснулся от скрипа.

Здесь вообще всё скрипит. Дом садится, печь остывает, ветки трутся о крышу. Но этот звук шёл снаружи и повторялся через равные промежутки.

Скрип.

Тишина.

Скрип.

Тишина.

Я лежал и считал. Между звуками проходило примерно пять секунд. Потом понял, что в эти промежутки слышу собственное дыхание.

Вдох.

Скрип.

Выдох.

Скрип.

Глупость, конечно. Когда ждёшь ритм, мозг подгоняет всё под него. Я встал, вышел на веранду.

Ночь была светлая. Дом на том берегу виден как чёрный прямоугольник. И в окне стоял человек.

Я не пишу «мне показалось», потому что тогда мне действительно не показалось. Высокий силуэт, почти неподвижный, в левом окне. Голова чуть наклонена. Руки, кажется, сложены перед собой.

Я смотрел секунд десять. Потом включил фонарь на телефоне, хотя понятно, что на таком расстоянии он бесполезен. Силуэт исчез.

Утром я убедил себя, что видел оконную раму, занавеску или ветку. Подошёл к реке днём и посмотрел в бинокль, который нашёл в сарае. Стёкла мутные, но окно видно хорошо. Никаких занавесок. Стекла в раме вообще почти не осталось.

На крыльце дома лежит что-то белое. Похоже на таз или перевёрнутое ведро.

Запись четвёртая. 15 июня

Приснилась комната.

Обычная деревенская горница: бревенчатые стены, низкий потолок, печь, стол у окна. Я стою посередине и почему-то считаю углы.

Первый — у печи.

Второй — у окна.

Третий — у двери.

Четвёртый — за спиной.

Потом понимаю, что есть ещё один.

Не вижу его, но совершенно точно знаю: в комнате пять углов.

Во сне это кажется не странным, а ужасным. Я начинаю считать заново и каждый раз получаю пять. Причём пятый угол всегда находится за спиной, как бы я ни поворачивался.

Проснулся мокрый от пота. Было 2:13.

Я записал время потому, что тетрадь лежала рядом. Потом вышел попить воды и машинально посмотрел через окно на реку.

В Агафьином доме горел свет.

Не электрический. Жёлтый, слабый, будто свеча или керосиновая лампа. Свет шёл не из окон первого этажа, а сверху — из квадратной дыры в крыше.

Я смотрел, пока он не погас.

Утром проверил электросчётчик у себя. Не знаю зачем.

Запись пятая. 18 июня

Сегодня дошёл до старой части села и поговорил с Анной Фёдоровной Бекетовой. Её мне посоветовал Виктор Палыч. Он сказал: «Если хочешь сказок — к ней. Она тебе и про Варначку расскажет, и про чёртову пасеку, и про японцев под горой».

Про Варначку я уже слышал. После истории с Корчевновыми в этих местах вообще стараются не шутить про старые дома слишком громко. Люди помнят больше, чем рассказывают приезжим.

Анна Фёдоровна живёт в доме с голубыми ставнями. На столе у неё клеёнка с подсолнухами и блюдце малинового варенья. Она выслушала меня молча.

— Графиня, — сказала наконец. — Агафья Гавриловна.

— Вы её знали?

— Я что, двести лет живу?

— А когда она жила?

— Вот этого никто тебе точно не скажет. Потому что три Агафьи было. Бабка, дочь и внучка. Может, четыре. У них имена повторялись. А дом один.

Это было первое, что меня по-настоящему зацепило.

По словам Анны Фёдоровны, та улица за рекой была почти целиком родственной. Несколько семей, но «все между собой свои». Жили отдельно от основной деревни, женились чаще на приезжих, к соседям ходили редко. После большой весенней воды в каком-то году — Анна Фёдоровна сказала «перед коллективизацией», но потом сама усомнилась — все они исчезли почти одновременно.

— Умерли?

— Кто говорит — тиф. Кто говорит — ушли. Только куда уйдёшь всей улицей, с детьми, со стариками? Коровы остались. Печи тёплые были. В одном доме хлеб в квашне стоял.

— И никто не искал?

— Искали. Раньше тоже милиция была, не думай. Только не нашли.

Пустые дома постепенно разобрали. Сначала двери, потом крыши, потом хорошие брёвна. Агафьин не трогали.

— Почему?

Анна Фёдоровна посмотрела на меня поверх очков.

— Потому что после первого мужика второй не полез.

Первый, по её словам, пришёл разбирать дом на сарай. Снял две доски с крыши, вечером вернулся домой и всю ночь жаловался, что в комнате «воздуха не хватает». Утром жена нашла его во дворе: сидел у колодца и смотрел в воду. Живой, но говорить перестал на три дня. Потом сказал только: «Не закрывайте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.